Бюллетень
Правозащитных организаций
Курганской области:
-ДВИЖЕНИЕ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»
-КОМИТЕТ СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ
«МЕМОРИАЛ», «СОЛИДАРНОСТЬ»,
- «Объединенный гражданский фронт»
http://5ugolok.ru/

ЧЕСТНЫЙ ВЫБОР

октябрь 2015 г. N 3 (140) бесплатно
Издается с 17 мая 2004 года

Я понял: мы имеем дело не с капитализмом, не со свободным рынком и не с демократией. Мы имеем дело с мафией
Павел Хлебников *(убит после этого высказывания о нынешней России)*

СОЛИДАРНОСТЬ
www.rufront.ru
вместе мы победим!

В нашем бюллетене редакция неоднократно описывала работу курганских общественных организаций, итоги нашего сотрудничества и тяжб с властями. Но никогда, как сейчас, в период последнего воцарения вождя народа, не было таких трудностей в работе наших НКО. Кроме различных способов дискредитации, навешивания ярлыков иностранных агентов, лишения помещений для работы, появилась новая тенденция: объявлять неугодных власти правозащитников пятой колонной, нацпредателями. Терминология эта – наследие Й.Геббельса, направленная на сплочение арийской расы, защиты немецкой нации, она обеспечивала принцип разделяй и властвуй. Эту дикость в XXI веке до недавного времени представить было трудно, но сегодня это стало реальностью и повыползали на свет божий «хирурги» с хунвейбинскими замашками угрожая расправой тем, кто не приемлет языка вражды и построения русского мира по лекалам Гитлера. Поэтому ко дню памяти жертв политических репрессий полезно вспомнить о прошлом.

О курганском «Мемориале»

Курганское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» основано в сентябре 1989 года. У истоков «Мемориала» в нашем регионе стояли: Шаньгин Михаил Леонтьевич, Носкова Наталья Кирилловна, Хлебников Иннокентий Александрович. Первым председателем курганского «Мемориала» стал Михаил Леонтьевич Шаньгин. Журналисты о нём писали так:

«Михаил Шаньгин, крестьянский сын из с. Чаша Каргапольского района, окончил школу, вступил в комсомол и, вроде бы, вписался в советскую систему. Но в 30-е годы системе понадобились бесплатные рабы. И свои потребности она реализовала без проблем. Михаил Леонтьевич с горечью вспоминает: «Ночь с 3 на 4 июля 1937 года. Сидим в редакции, каждый занят своим делом. Самый большой стол у Тюменева, он сплошь завален бумагами. Встал Василий Александрович, протер очки, улыбнулся широко и, сделав артистический жест рукой, торжественно произнес:

— Навести большевистский порядок на своем большевистском столе!

И принялся за уборку, удаляя ненужные бумаги. В этот момент без стука открылась дверь, и вошел милиционер:

— Я за вами, товарищ Тюменев!

Тюменев побледнел, опустился на стул, открыл и тихо задвинул ящик и сказал:

— Прощайте,товарищи, навсегда. Не поминайте лихом…

А через час пришли за мной. Вела меня предсовета Виноградова, можно было убежать, но я думал: ненадолго же, спросят о чем-то и отпустят, не украл я, не ограбил…

Сразу обыскали, забрали комсомольский билет. Сразу, как звякнул замок, зачастило ударами сердце… Мысль лихорадочно крутилась на одном и том же: как же так? За что? Где ты, мама, выручай…

Два дня спустя — руки за спину! — повели на допрос. Следователь Егоров, пожилой, небритый, с серыми без зрачков глазами, в форме НКВД.. На столе лежит папка, на ней крупно: «Уголовное дело №1374». Значит, я — преступник?

Егоров зачитал бумажку, в ней сказано, что я с товарищем ходили к Тюменеву домой, и он подсовывал нам для чтения запрещенные книги: «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского и «По ту сторону» Виктора Кина. Это спустя десятилетия по повести Кина поставят фильм и Пахмутова напишет для него песню, а тогда они считались крамолой, как и сочинения Есенина». 21 год провел Михаил Шаньгин в тюрьмах и лагерях, повидал во всей полноте горе человеческое, да и сам перенес немало. Реабилитировали его в 1957-м.

Из лагеря Михаил Леонтьевич приехал в Курган, работал на железной дороге. Участвовал в электрификации линий Курган — Челябинск и Курган — Свердловск. Строил вокзалы, больницы, школы, жилые дома. Ему присвоено звание «Почетный железнодорожник». Но боль о прошлом в его сердце не утихла.

Его память сохранила множество эпизодов, и все они в той или иной мере характеризуют людей его эпохи: «В концлагерях многие заключенные носили на шее крестик. И я сам носил. Изготавливали их следующим образом. Камнями расклепывали гвоздик, затачивали, закаляли в печи — и он превращался в зубильце. Этим зубильцем вырубали крестики из донышка консервной банки. Острые края сглаживали, натирая жесть песочком. Но в лагере ни у кого не было иголок — их считали холодным оружием — и ниток. Зато в рабочей валялись старые автомобильные покрышки. Из них вытягивали кордовую нить, на ней и носили крестики. И охранники их не трогали, не срывали, хотя, могли бы».

О трагедии народа Михаил Леонтьевич рассказал в повести «Загнета». Вот как он объясняет ее название: — Загнета — углубление в русской печи. В нее клюкой сгребают угольки. Поначалу они горячие и красные, затем остывают и тухнут. А бывает и так: на остывающие угольки дунул порыв ветра — и они разгораются с новой силой. В своей книге я доказываю, что в сердце человека есть своя загнета: пока оно содержит жар — человек остается сильным.

В 1989 году Михаил Леонтьевич встречался и много разговаривал с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, когда великий ученый и гуманист приезжал в Челябинск на

перезахоронение останков казненных на Золотой горе у д. Шершни.

«С кромки шахты перед многочисленной толпой, пришибленной ужасом, криминалист разъяснял, почему у большинства черепов дырки не в виске или в затылке, а сверху. А это значит, что их не расстреливали, а убивали молотком на длинной ручке. Спросили дознавателей, как доставляли трупы до середины ствола, коли шахта диаметром более 15 метров. Оказывается, рацпредложение чье-то применили: в двух шагах от обрыва ставили колодезный журавль с двумя крюками на верхнем конце вместо бадьи. Крюки захватывали жертву, как грейфером, потом охранник дергал за веревку, крючки открывались, и труп плюхался как попало: вон посреди скелетов мужских лежит женский, а поперек своей мамы скелетик детский. Тут у многих женщин «сдавали тормоза» — раздавался плач навзрыд».

В 1989 и 1990 годах из первой шахты на горе Золотой были добыты и перезахоронены останки 360 и 286 погибших. Большинство их были доставлены в Челябинск из курганской тюрьмы.

За те два десятилетия, что Шаньгин руководил областным отделением «Мемориала», в городе установлен памятник жертвам политических репрессий. Михаил Леонтьевич оставался верен до конца дней своих главному делу своей жизни — сохранить память о погибших и воздать должное палачам. Угли в загнете не гаснут.

Иннокентий Александрович Хлебников в историко-просветительском и правозащитном обществе «Мемориал» 25 лет.

По его исследованиям в 1998 году Генеральная прокуратура и Верховный Суд РФ пересмотрели уголовное дело по убийству лжепионера Коли Мяготина и оправдал 10 человек репрессированных колхозников села Колесниково.

Таких сложных дел, за которые берётся наш правозащитник, немало. Надо сказать, что в тяжёлой борьбе с властями ему также удалось выиграть процесс о признании незаконным постановления губернатора О.Богомолова о выделении участка под строительство высотки возле дома-музея в охранной зоне. По его инициативе до сих пор идёт тяжба о незаконности урезания наполовину зоны охраны территории памятника истории Федерального значения "Дом декабриста Розена А.Е." и о незаконности формирования земельного участка за счет территории этого памятника для строительства жилого дома экс-губернатора Богомолова. Жалобы на постановления наших судов направлены Председателю Верховного Суда РФ и в Судебную коллегию. Ответа пока нет.

Его очень беспокоит судьба основного корпуса Богородице-Рождественского Собора, который отдан торговцам, несмотря на активные протесты правозащитников, и с 2006 года Иннокентий Александрович доказывает фотографиями и документами, что здание сохранилось, а Управление Культуры в своём заключении упорно повторяет, что его нет. Фотографии Собора, вместе с господином В.Ф. Бояркиным (представителем Управления Росохранкультуры), его посетившим, во внимание не принимаются.

(Материал о соборе и статью Иннокентия Хлебникова можно найти на сайте pravo-ural.ru/tag/gabdulla-isakaev в бюллетене Честный выбор - выпуск №53 за 2007 год)

Прокуратура Курганской области от расследования причин такой продажи Собора уклонилась, на запросы представителя общественности ответы давать отказалась, за что была привлечена к суду и суд, например, 17.12.07 признал не соответствующим закону ответ прокуратуры 8-240-96 от 13.11.07, обязал Прокуратуру Курганской области дать ответ на обращение. Поиск истины не закончен.

Немало публикаций Иннокентия Александровича направлены на восстановление справедливости в отношении жертв политических репрессий. Его близкие также были репрессированы, поэтому для него это больная тема. Начав работу в архивах, Иннокентий Александрович сумел докопаться до многих истин, которые по сей день скрыты от общества. Почти личной болью для него стала обида за курганских учёных В.К. Крутиховского, П.И Скачкова, А.О. Чазова реально внесших вклад в агрономическую науку, но репрессированных по доносу, в т.ч. доносу неуча и лысенковского подпевалы Т.Мальцева. Предание забвению истинных учёных и возвеличивание неуча по политическим мотивам очень возмущает Иннокентия Александровича, и возня с мемориалом Т. Мальцеву, а также введение в архивах жестких ограничений на доступ к документам прошлого, по мнению Иннокентия Александровича, – признаки возврата к единомыслию и навязыванию обществу тоталитарного направления.

По сей день, несмотря на преклонный возраст, Иннокентий Александрович стоит на защите культурного наследия, интересов репрессированных и их родных.

О Наталье Кирилловне Носковой курганский журналист Лариса Фомина пишет: «Впервые я узнала о ней из рассказа выдающегося зауральского публициста Александра Базарова «Сирота страны Советов», а три года назад она сама позвонила в редакцию газеты, где я работала. Очень живо всем интересовалась, особенно историческими статьями о взорванных и разрушенных храмах, репрессированных священниках, потом, каждый раз что-то советовала, дополняла, искренне сопереживала. После нескольких таких бесед мы, наконец, договорились встретиться у неё дома. Она открыла двери – хрупкая, невысокая, но такая несгибаемая волевая, с проникновенным взглядом, красоту которого не тронули годы, лишь подчеркнули. В её скромной однокомнатной квартирке (которую, как реабилитированная дочь «врага народа» она получила только к пенсии) обстановка оказалась незамысловатой: старенький диван, стол, кресло, да телевизор и ещё горы журналов – «Посев», «Родина», «Дружба Народов». Наталья Кирилловна очень много читала. Мы сели друг против друга, она осторожно спросила: «готова ли я услышать историю её семьи?» Я молча кивнула. А дальше её рассказ перевернул всю мою жизнь.

Раскулачивание

«Я родилась в крестьянской старообрядческой семье в деревне Патронное Кетовского района», - начала своё повествование Наталья Кирилловна. - Семья у нас была большая - шестеро детей и трое взрослых. Жили мы, с Божьей помощью, трудами праведными. Много работали, имели хозяйство и огород. Казалось, так будет всегда...

1929 год стал для семьи Носковых роковым. В деревне начали появляться так называемые «особо уполномоченные», собирающие местных активистов для раскулачивания «зажиточных» соплеменников. Составили список потенциальных «кулаков». Семья Носковых и семьи всех их родственников попали в этот список.

«Сначала нас душили высокими налогами, - вспоминала Наталья Кирилловна. – Отец хотел уехать в Самарканд, чтобы заработать там денег на прокорм семьи, но в Челябинске его арестовали, продержали четверо суток в подвале, затем переправили в Курганский тюремный замок».

Пока глава семейства сидел в тюрьме, двери дома Носковых почти не закрывались - туда-сюда шныряли активисты по раскулачиванию. Сначала отняли все съестное, затем забрали вещи. Во время очередного визита «особо уполномоченному» Якову Мельникову приглянулись валенки лежавшей на печи слепой бабы Ани. Он схватил её за ноги и силой рванул вниз. Старушка упала на пол, сильно расшиблась, попыталась наощупь подняться, но не смогла. Члены комиссии по раскулачиванию хохотали. Прибрав валенки, Яков Мельников направился к люльке, где спала шестимесячная Фрося. Он заподозрил, что под пелёнками может находиться тёплая пуховая шаль. Выбросив голенькую Фросю на холодную лавку, Мельников стал рыться в люльке. Мать в отчаянии кинулась к плачущему ребёнку, но её не пустили. Вскоре после этого Фрося заболела воспалением лёгких и умерла.

«В доме ничего не осталось, - выгребли всё, - рассказывала Наталья Кирилловна. - Даже собаку убили. Мать, пятеро ребятишек и слепую бабушку выгнали на улицу зимой, на двери повесили замок. Больше свой дом я никогда не видела. Мы скитались по соседям, спали, где придётся, на чужих кухнях, на полу. Ели, что Бог пошлёт. Бабушку Аню деревенские активисты столкнули с обледенелого крыльца, когда она пришла узнать, жив ли её сын Кирилл Носков - тогда в тюрьме расстреливали «кулаков». От удара старушка скончалась. Затем расстреляли отца матери 84-летнего священника села Орлово (ныне Романово Половинского района) Михаила Никифоровича Мочалова.

Летом нам всё-таки сообщили, что отец находится в ссылке на севере Урала. Приказали собираться на поселение туда же. Из деревни до Кургана мы шли пешком. Мама босыми ногами утопала в дорожной грязи, младшеньких Лёню и Маню поочерёдно несла на руках. Я и еще двое старших семенили следом, держась за её подол. К моменту ссылки мне шёл седьмой год, а казалось, что за плечами взрослая жизнь…»

Людей везли, как скот.

На поселение семью Носковых отправили в грязных вагонах для перевозки скота. Взрослые и дети умирали в дороге от голода и тифа, их трупы просто выбрасывали в степи.

Именно эти вагоны со ссыльными увидел в августе 31-го на станции в Свердловске Борис Пастернак. «Кого в них везут»? – спросил поэт у конвоира красноармейца. «Врагов народа – кулаков»- последовал ответ. Исхудавшие люди с запавшими глазами, судорожно цепляющиеся за решётки руки, потрясли писателя.

«Когда мы прибыли на поселение в Богословские угольные копи – увидели отца, - продолжала свой рассказ Наталья Кирилловна.- Осунувшийся, постаревший, он обнял их и заплакал. Затем с горькой печалью произнёс: «Ребятишки, вы же умирать приехали...» Жили мы в общей казарме – холодной времянке, спали на нарах».

Зима 1931-1932 года выдалась страшной. Люди болели тифом, холерой, цингой. Из еды завозили по карточкам только ржавую селёдку и крупу сечку. Голод, холод, жестокое обращение начальства, изнурительный труд приводили к массовой гибели людей. Штабеля трупов, занесённые снегом, лежали возле бараков, их не успевали убирать. Порой, чтоб не возиться, сжигали мёртвых вместе с бараками. Осиротели сотни детей.

«Отец умер зимой 1932 года на 42-ом году жизни, - говорила Наталья Кирилловна, - Его завалило в шахте, придавило ноги. Через две недели он скончался от гангрены. Мы перешли на подножный корм - ели всё, что можно было найти в тайге вокруг спецпосёлка. У мамы участились голодные обмороки, она замкнулась в себе, часто плакала и разговаривала с отцом вслух. А однажды пропала. Мы искали её несколько дней до темноты - всё безуспешно. Лишь через неделю знакомая женщина сказала нам: «Не ищите больше мать, нет её у вас».

Не выжили ни брат, ни сестрёнка

Осиротевших детей передали в детдом, представляющий собою холодный сырой барак. Чтоб не околеть, с утра до вечера жарили буржуйку. Из еды выдавали кусочек хлеба и воду. Вскоре Наташа слегла с воспалением лёгких, малярией, ревматизмом и истощением. В полубреду, между жизнью и смертью находилась полгода. Ненадолго придя в сознание, узнала о смерти шестилетнего братика Лёни. Он умер тихо, незаметно, никого не беспокоя. Его высохшее тельце завернули в тряпку и отнесли в барак к другим мёртвым детям. Трупы сирот сожгли. Языки пламени долго лизали небо, а по земле стелился чёрный дым… Наташа вновь впала в забытье. Очнулась с наступлением весны, под щебетание птиц и звуки капели. «Эта опять оклемалась, - произнес кто-то, склонившись над ней. - А вот соседку Бог прибрал, отмучилась». Сердце у Наташи защемило, она с трудом повернула голову и увидела на соседней кровати мёртвую четырёхлетнюю сестрёнку Манечку...

Но вопреки всем ужасам ссылки Наталья Носкова выжила. Бесконечная боль и трагедия её семьи уместилась в ссыльных архивах в одну строчку: «Носкова Наталья Кирилловна, 9 лет, инвентарный номер 883. Поступила в Богословский при угольных копях детдом 6 февраля 1933 года. Переведена в Ирбитский детский дом в начале 1937 года. Есть сестра. Родителей нет».

В 1996 году по инициативе «Мемориала» Губернатор А.Н.Соболев подписал Постановление «О создании памятника жертвам политических репрессий». В 2000 году открыт памятник, построенный за счёт средств бюджета и пожертвований курганцев на углу улиц Советской и Комсомольской. Ежегодно здесь проводим митинг 30 октября.

Традицией для мемориальцев стала ежегодная поездка к д.Шершни близ Челябинска в сентябре на место массового захоронения жертв политических репрессий (мемориал «Золотая гора»)

В 1989 году сюда на раскопки и перезахоронение останков приезжали Андрей Сахаров, Елена Боннер и Галина Старовойтова. С тех пор в этот день потомки людей, пострадавших от машины террора, и те, в чьих сердцах находит сочувствие ужас того безжалостного времени, собираются у скромного памятника в виде колокольни и простого камня….По найденным документам (справки НКВД) все 360 скелетов из первой шахты – останки людей, доставленных из курганской тюрьмы, т.е. проживавших в 37-38 годах XX века на территории нынешней Курганской области. Даже печать резиновую нашли «Мишкинская МТС. Профсоюзный комитет» это рассказал мне руководитель раскопа археолог Григорий Яковлевич Маломуд. Значит первая могила в мемориале «Золотая гора» - могила курганцев..

По инициативе «Мемориала» и на средства жителей Кургана открыта мемориальная доска члену Союза писателей России «Летописцу крестьянских бед Базарову Александру Александровичу» в 2014 году.

Базаров Александр Александрович, выпускник МГУ, кандидат экономических наук, член Союза писателей России. Публиковался в местной, российской и иностранной прессе, так например, «Урал», «Челябинский рабочий», «Тюменский курьер», «Курган и курганцы», «Куранты», «Звезда полей», «Новости Югры», «Югра», «Диалог», «Родина», «Грани», «Посев», «Челябинск», «Урал»

Принимал участие в нескольких международных конференциях «Сопротивление в ГУЛАГЕ».

Трудился над восстановлением исторической правды, написал замечательные книги «Кулак и агрогулаг» 1991 г, «Дурелом и господа колхозники» 1997 г,«Хроника колхозного рабства»2004 г.

В 2008 году, после смерти писателя, издательство «Возвращение» публикует в альманахе «Воля» в разделе «Знаковые фигуры нашего общества» материал «Памяти Александра Базарова». Выходят его книги «Вся жизнь моя тебе, Россия» 2008 г., «Правды не говорили» 2013.

По одной из глав книги снят с помощью Курганской телестудии фильм «Сирота страны Советов», который вызвал широкий резонанс зрителей, массу писем получил автор. Фильм неоднократно был показан по федеральным каналам. В Воронеже на кинофестивале получил призовое место, в Тюмени Гран-при зрительских симпатий, в Кисегаче на Бажовском фестивале занял первое место.

По материалам книг Александра Базарова автор телепередач «Исторические хроники» Н.Сванидзе выпустил 2 телефильма «Кулаки России 1929 год» 2008 и «Дети России» 2009 год.

К основным направлениям деятельности Курганского Мемориала относятся:

-сохранение и увековечение памяти о жертвах тоталитарного режима СССР, оказание лицам, пострадавшим в годы политических репрессий социальной и юридической помощи;

-восстановление исторической правды о преступлениях сталинизма, преодоление тоталитарных стереотипов и утверждение прав человека.

Людмила Базарова

Право и справедливость

Довелось выехать в Казахстан 30 апреля, чтобы защитить в их суде (Петропавловска) нашего курганца от произвола их милиции.

Ориентируясь на суды Курганской области, был готов к тому, что все доводы привлекаемого к ответственности курганца, суд просто проигнорирует (сославшись на то, что так-де виновный пытается уйти от ответственности), а материалы милиции признает бесспорными доказательствами. Ведь все наши бывшие советские республики, полагал я, страдают одним пороком – независимый суд считает любого представителя власти априори правым.

Формальности, связанные с недопуском в суд с диктофоном, ещё больше в этом меня уверили.

Однако, как только начался судебный процесс, всё переменилось: оказалось, что аудиозапись ведётся в суде всегда и каждый участник может её получить! (Вот почему химичить с протоколами судебных заседаний там невозможно!) Дух живого доброжелательного общения и интереса к деталям дела, удивили меня. Если прокурор твёрдо стоял на виновности курганца, то судьи выяснили у курганца все детали, которые относились к делу, и превращали доводы прокурора в сплошное недоразумение. Сама форма доброжелательного диалога в суде была удивительна для меня. После совещания судебный состав из троих судей кассационной инстанции признал курганца невиновным. Человек не верил своему счастью. Его супруга прослезилась. Я был в шоке: суд не поддержал милицию и прокурора!

Перед началом судебного процесса у нас было около 2 часов свободного времени, и мы решили прогуляться по окрестностям. Вышли на площадь памяти жертв политических репрессий. Уже тогда меня это поразило: настоящий памятник и стена памяти более 50 метров длиной и около 3 м высоты с высеченными в гранитных плитах именами этих жертв, всего около 7000 имён я там насчитал (с указанием районов откуда репрессированы). Петропавловск – областной центр Казахстана, подобный нашему Кургану в России. Но какая разительная разница! В Кургане граждане собирали деньги на памятник памяти жертв репрессий и с трудом добились, чтобы в маленьком скверике поставили простой кусок камня с упоминанием о том, что это в память о репрессированных.

А в Казахстане большой мемориальный комплекс в граните с поимённым перечислением репрессированных. Там немыслимо, чтобы кто-то вышел с портретом Сталина. Уже это у меня вызвало чувство радости за граждан Казахстана: их власть ближе к народу, чем наша, российская.

Когда же прошёл судебный процесс, тогда вовсе стало понятно, что именно Россия унаследовала самые репрессивные антинародные замашки полицейского государства по имени СССР, и бежали бывшие народы из СССР к своей свободе, которую они ценят. В этом меня убедил всего один день пребывания в Казахстане.

Габдулла Исакаев

Отпечатано в типографии Курган-плюс, Ленина,31. Зак.7712 Тираж999экз.Подписано в печать 29.10.15г.

Учредитель: Людмила Исакаева Адр.редакции: 640014,Курган, а/я 1966. Редактор Габдулла Исакаев

Подробности на сайте **http://5ugolok.ru/**